

Без объяснения причин ФИЛЬМ О ЕГОРЕ ЛЕТОВЕ «ЗДОРОВО И ВЕЧНО» Игорь Гулин

В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ О «РАННИХ ГОДАХ» ГРУППЫ «ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА» БЫВШИЕ СОРАТНИКИ ЕГОРА ЛЕТОВА РАССКАЗЫВАЮТ О НЕМ ОБЫДЕННО И НЕУБЕДИТЕЛЬНО, НО ЛЕТОВУ УДАЕТСЯ ИХ ПОБЕДИТЬ

ТУТ НАДО сначала сказать вот что: это — не профессиональное кино. Делали его в основном люди, к кинематографу отношения не имеющие (хотя среди продюсеров — Борис Хлебников). Не было студии, чуть ли не половина денег появилась за счет краудфандинга. Его сняла и смонтировала вместе с несколькими друзьями Наталия Чумакова, вдова Егора Летова и басистка «Гражданской обороны». И конечно, это прежде всего работа памяти. Причем работа немного странно устроенная, нарочито отстраненная. Чумакова появилась в жизни Летова в 1997 году, а события фильма доходят до конца перестройки, лишь намеком

залезают в ранние 90-е (концерт с символикой НБП). Автор и видел и не видел всего происходившего, вспоминает то, чего с ним не было. Замещает собственную боль и память — памятью других. Если же отвлечься от этой личной истории, «Здорово и вечно» вполне похоже на обыкновенное биографическое повествование. Детство, юность, влияние брата, интерес к музыке, неудачная учеба в Москве, возвращение в Омск, друзья, первая группа, преследования со стороны КГБ, психушка, появление «Гражданской обороны», затем — «Коммунизма», внезапная популярность и

стратегии побега от нее. Все это известно, все — несмотря на рефрены «это был шок», «такого никто не видел» — очень просто. И совсем не трогает тайну, которая остается в летовской истории, как в истории любой гениальности. Не дает и ответа на вопрос: почему политические памфлеты и шаманские напевы, грязный, невнятный панк и смешные концептуалистские коллажи «Гражданской обороны» и «Коммунизма» оказались самыми важными песнями для такого количества совсем разных людей уже после конца перестройки? Когда реальность, к которой они отсылали, исчезла. Дело ведь не в том, что Летов был потрясающим музыкантом, невероятным поэтом, но и не в жизнотворчестве и не в харизме. А в чем — неясно.

Летов умер шесть лет назад. И, кажется, это единственная в недавней русской культуре «большая смерть», многих связавшая — в смысле не только объединения, но и бездвигности, паралича. В фильме Чумаковой звучат песни, и всякий раз ловишь себя на мысли: эта могла бы быть последней. И это очень знакомый механизм: на постоянном умирании, в котором существовал (и заставлял существовать других) Летов, держалось очень многое в русской реальности. Когда оно закончилось, стало непонятно, как жить.

Эти пафосные слова здесь не для исповеди, они имеют прямое отношение к фильму. «Здорово и вечно», помимо концертных записей и небольшого числа архивных интервью самого Летова, состоит из недавних интервью — пунктирного нарратива, нарезанного из рассказов летовских товарищей, старших друзей, младших поклонников, людей так или иначе причастных сибирскому панку. Черный Лукич (Вадим Кузьмин), Манагер (Олег Судаков), Кузя УО (Константин Рябинов) и другие. Они пытаются что-то вспомнить, рассказывают забавные истории, говорят глупости, часто пошлости, и — вновь — не пытаются что-либо объяснить. И когда, сразу после юношеских записей, видишь их сегодняшних — нелепых и благополучных, — как-то сам собой встает кошунственный вопрос: как так, что они до сих пор живы? Не должно ли быть здесь стыда? Вопрос, конечно, не к ним, а к самой ситуации, к мифу о Летове, к структуре пространства вокруг одного человека, организовавшего смертное содружество и оставившего его.

Некоторые из старых соратников (их в фильме нет) обвиняют Летова в авторитарности, в слишком большом влиянии на людей. Предельный трагический эффект этого влияния, по их мнению, — смерть Янки Дягилевой (о ней в фильме тоже много, но с чуть странной покровительственной интонацией). Так это или не так — тут неважно. Но в фильме люди из бывшего летовского круга правда похожи на приятных овец, потерявших пастыря, но не растерявших. Вышедших из экстремального состояния в «нормальное» так, будто весь тот опыт не имел специального значения, был скорее причудой, чем чудом. Это немного грустно, и, может быть, нам — увлеченным больше в миф о сибирском панке, чем в историю звукозаписи, — не стоило бы этого видеть. Но весь этот слишком спокойный рассказ вновь и вновь разрывается — фрагментом песни, старой фотографией, кадрами заснеженной железной дороги, леса под Омском, повторяющегося движения нечеловеческого летовского танца. В конце оказывается: неубедительность воспоминаний не так важна. Ты весь — в этих уколах.

В прокате с 20 ноября